

УДК 340.11.

**РИМСКОЕ ПРАВО И ГРЕЧЕСКАЯ ЛОГИКА:
АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ****Д. Е. Пономарев**

Уральский государственный юридический университет (Россия),
доцент кафедры теории государства и права,
кандидат юридических наук
e-mail: Dmitrii.ponomarev@usla.ru

Аннотация. С историко-методологической точки зрения рассматривается рецепция римского права, составившая культурно-историческую основу современного профессионального юридического мышления (традиции юридической догматики). Показывается, что факт и значение рецепции обусловлены не только обращением к римскому юридическому наследию как таковому, но и одновременной «реабилитацией» греческой логико-философской мысли.

Ключевые слова: софистика, римское право, греческая логика, рациональность.

Annotation. The reception of Roman law, being a cultural-historical base of modern professional legal thinking (legal dogmatic tradition), is analyzed from historical-methodological perspective. It is demonstrated that the very fact and significance of the reception are caused not only by handling with Roman Law by itself, but also by rehabilitation of Greek logico-philosophical thought.

Keywords: sophistry, Roman law, Greek logics, rationality.

Современным юристам, безусловно, известно, что римское право исторически составило содержательную основу современных континентальных правовых порядков, а также смысловой фундамент традиции континентального правоведения. Разрабатываемое римскими юристами на протяжении пятисот лет (II в. до н. э. — III в. н. э.) и зафиксированное в грандиозном Своде Юстиниана (VI в. н. э.), наполовину забытое на протяжении раннего Средневековья, оно возродилось на волне культурного «Ренессанса XII века» в европейских университетах в качестве самостоятельной области знания и до настоящего времени составляет основу профессионального образования и мышления юристов.

Юристам также известно, что основной причиной, предопределившей такую счастливую судьбу римского права, является качество самого этого права (уровень отраженной в нем правовой мысли) и его несомненные достоинства как регулятора общественных отношений. Поэтому можно считать, что историческая победа досталась римскому праву, превосходившему национальное право варварских народов постантичной Европы (например, ломбардское), в честной конкурентной борьбе.

Однако общеизвестность этих фактов уводит на второй план иную, не менее значимую причину триумфального возрождения римского права в XII в. — а именно, возрождение другого дара античной культуры современности — логики. Вряд ли можно было превратить Свод Юстиниана из чисто музейного экспоната в источник действующего права, подлежащего, кроме того, применению в исторически новых условиях, без его интеллектуальной обработки и переработки средствами логики. И именно логика разделила с римским правом общую судьбу античного культурного наследия, став тем «ключом», благодаря которому юристы смогли освоить Свод Юстиниана не как литературный памятник, а как систему юридических конструкций.

Строго говоря, есть серьезные основания полагать, что логика по самому своему генезису в древнегреческой культуре очень плотно соприкасается со сферой права. Очень многое в трудах Аристотеля говорит о том, что логика разрабатывалась им в качестве своеобразного «антивируса», призванного бороться с технологиями нелегитимного убеждения, а именно — софистикой, основанной не на соблюдении, а, напротив, на нарушении правил рассуждения (подмена понятий, произвольное наполнение терминов смыслами и т. п.) [1, с. 259]. Опасность софистики заключалась в том, что в условиях древнегреческой демократии, которая в эпоху классики стала принципом устройства основных социально-политических институтов, она использовалась для недобросовестной манипуляции мнением граждан, коллективно принимавших то или иное решение.

Особую угрозу софистика представляла для осуществления правосудия в суде присяжных, где многочисленные (500 человек и более) судьи были не профессиональными юристами, а рядовыми гражданами, которых опытному софисту не представляло труда убедить в выгодной для себя версии событий. Портрет (хотя и сатирически акцентированный) афинского судьи нарисован комедиографом Аристофаном, изобразившим такого судью неумным, падким на лесть и жаждущим власти над другими людьми [2, с. 254–255]. Исчерпывающая характеристика судьи дана Аристотелем, не склонным, в отличие от Аристофана, к использованию ярких художественных образов: Аристотель называл афинского судью «заурядный человек» [3, с. 11].

Учитывая эти особенности древнегреческого судопроизводства, софистика была страшным оружием в руках недобросовестных политиков, ораторов, а особенно — сикофантов, которые были своего рода частными обвинителями, зачастую предъявлявшими необоснованные обвинения заведомо невиновным людям, стремясь, осудив их в суде присяжных, получить часть их имущества.

Именно для борьбы с софистикой и была разработана логика — учение о правилах рассуждения, соблюдение которых гарантирует получение истинно-

го знания из заранее заданных посылок. Аристотель специально обращает внимание во многих своих сочинениях на то, что разрабатываемое им логическое учение является своего рода «здоровой альтернативой» софистике, анти-софистикой.

Парадоксально, но греческая культура, в недрах которой, по словам великого английского юриста сэра Генри Мейна, «за исключением слепых сил природы было создано все, что движется в этом мире» [4, с. 238], не породила ни профессию юриста (хотя профессия адвоката — судебного оратора имеет греческие корни), ни сколь-либо исторически выдающуюся систему права. Эта историческая роль, как известно, выпала культуре Древнего Рима.

Однако не менее парадоксальным является тот факт, что славу и силу римской юриспруденции принесло не освоение, а, напротив, сознательное отторжение того влияния, которое могло бы оказать логико-философское наследие древнегреческой культуры на римскую правовую мысль. В этом проявилось и общее отношение римлян к побежденным грекам (достаточно вспомнить манифест, сформулированный Вергилием в «Энеиде», основанный на противопоставлении грубого римского прагматизма хрупкой греческой утонченности), и соответствующее мнение, укоренившееся в среде римских юристов [5, с. 240].

Известно, впрочем, что ряд выдающихся юристов обучались в греческой философской школе стоиков. Тем не менее господствующее отношение было все же основано на упорном нежелании римских правоведов «сдаваться в плен» побежденным грекам. Это признавал, например, такой горячий поборник греческой культуры, как Цицерон, который в одном из своих риторических сочинений сетовал на то, что широкие интеллектуальные круги Рима и римские юристы не знакомы с сочинениями Аристотеля, поскольку считают их слишком сложными для понимания [6, с. 56–57]. В другом своем сочинении он рисовал великого римского юриста Сцеволу, который «с вежливым молчанием» настоящего профессионала выслушивает и упреки в бессистемности римского права, и призывы создать по греческим образцам «подлинную науку права», в которой правовые решения выводились бы не из конкретных казусов, требующих установления справедливости, а из спекулятивно-метафизических полаганий философского уровня [7, с. 129].

Вместе с тем имеются серьезные основания полагать, что римская юриспруденция все же не смогла полностью избежать влияния греческой логики и философии. Вследствие этого в римской юриспруденции стала проявляться и даже нарастать «кодификационная интенция», которая породила и «Вечный эдикт», и «Институции» Гая, и в конечном счете Свод Юстиниана, который был призван систематизировать все достижения римской правовой мысли, превратив ее в беспробельный и гармоничный свод по образцу современных ко-

дексов. С другой стороны, процесс нарастания греческого влияния зачастую оценивается как причина «окаменения» (термин Ф. Шульца [8, с. 286]) некогда живого римского права, а возможно, даже его «смерти» (такого мнения придерживался, например, великий немецкий правовед Савиньи [9, с. 144]). Со своей стороны мы полагаем, что корректнее все же говорить не о прекращении существования римского права, а о его перерождении, переходе его в иное качественное состояние.

Говоря о единой судьбе греческой логики и римского права, мы имеем в виду, что, будучи компонентами античной (а значит, языческой) культуры, на новом витке исторического развития и юриспруденция, и философия в равной степени оказались «под огнем» победившего христианства, ставшего универсальной и монополярной системой духовно-интеллектуальных координат европейской культуры. Теперь от христианской церкви зависело, в какой степени сохранится и будет развиваться далее греко-римское культурное наследие, включая, наряду с архитектурой, литературой и наукой, также римское право и греческую логику.

Изначальное отношение христианства к логико-философскому наследию античности было достаточно сложным и даже враждебным. Известны, например, слова апостола Павла, призывающего христиан опасаться «увлечения философией по стихиям мира» (вероятно, имеется в виду элементаризм Эмпедокла) [10]. Эту же позицию разделяли и многие отцы церкви, например Тертуллиан, яростно обличавший «жалкого Аристотеля», который своими витиеватыми рассуждениями способен отвлечь христианина от веры, основанной не на развернутом вероучении, а на «простоте сердца» [11, с. 109].

С подобных же позиций резкой критике подвергалось и римское право, которое воспринималось христианством (заметим, справедливо) как своего рода опасный конкурент, претендующий на то, чтобы вновь, как и прежде, стать регулятором социальных отношений. Соответственно, христианские мыслители, например Лактанций, призывали если не к полному искоренению римского юридического наследия, то как минимум к тому, что для христианина именно религия, а не право, должна стать источником норм повседневной жизни и предметом подлинной заботы [12, с. 35].

Такое отношение к двум важнейшим компонентам античного наследия предопределило то, что и греческая философия (включая логику), и римское право на протяжении раннего Средневековья занимали место второстепенных и малозначимых предметов знания, растворенных в системе «семи свободных искусств». Римское право, как известно, подверглось «вульгаризации»: и качественному, и количественному упрощению, сокращению и примитивизации. Например, в «Этимологиях» Исидора Севильского глава о праве соседствует

с главами об одежде и кораблях [13]. Равным образом и греческая философская мысль сохранялась лишь в виде немногочисленных переводов отдельных диалогов Платона, сочинений Аристотеля, вытесненных на второй план всякого рода компиляциями, бревиариями, компендиумами чисто практического характера (например, риторическими сочинениями Марциана Капеллы).

Положение стало радикально меняться к XI–XII вв., когда христианская церковь осознала не только вред, но и пользу от духовно-интеллектуального наследия преследуемой языческой культуры. Разрешение противоречий в авторитетных источниках, опровержение еретических учений, упорядочивание исторически накопившегося массива норм внутрицерковного права — все это сформировало своего рода «запрос на логику». Под влиянием Пьера Абеляра, который резко противопоставил мистическому иррациональному откровению ортодоксального христианства разум, рациональность, обращение к философско-логическому наследию Греции (в первую очередь, к трудам Аристотеля) стало не преследуемым «грехом», а, напротив, поощряемым и развиваемым благодеянием. Особое место в реабилитации логического наследия Аристотеля принадлежит Фоме Аквинскому, который, рискуя быть обвиненным в ереси, «христианизировал» великого философа, возвратив ему подобающий статус «учителя тех, кто знает» (Данте).

Собственно, весь европейский «Ренессанс XII в.» можно рассматривать как своего рода «ренессанс рациональности», выразившийся в резком росте переводческой деятельности, переоткрытии и освоении греческой философии и т. п. Именно в XII в. разворачивается процесс становления системы европейских университетов, среди которых особое место принадлежит Болонскому процессу.

Именно в Болонском университете в школе глоссаторов римское право после пятисотлетнего полузабвения и пренебрежения стало главным и основным предметом изучения и преподавания, причем не по сокращенным и упрощенным источникам, а по полным текстам Свода Юстиниана и его наиболее ценной части — по Дигестам.

Однако в своем непосредственном виде Дигесты оказались исключительно трудны для понимания, что совершенно неудивительно. Дигесты представляют собой гигантский сборник, который кодификационная комиссия Трибуниана составила из высказываний римских юристов по самым разным вопросам. Более того, несмотря на похвальбу Юстиниана о том, что Дигесты представляют собой «чистое озеро» права, то есть беспробельный и гармонизированный правовой свод, в действительности Дигесты являются отнюдь не кодексом, а, скорее, неким плохо упорядоченным «каталогом мнений», изобилующим неясностями, противоречиями, повторами и неопределенными выражениями.

ями. Даже по мнению пандектистов, систематизирующая интенция в Дигестах проведена крайне некачественно.

Преодолеть эти генетические недостатки Свода глоссаторы смогли только благодаря силе греческой логики, которая помогла им, во-первых, разложить его на отдельные единицы (анализ), во-вторых, пересобрать полученный массив в по-настоящему выстроенную систему, подчиненную единому замыслу, в которой отдельные частные положения разворачивают общие принципы (синтез). Эта интенсивная интеллектуальная работа проводилась не только глоссаторами, но и последующими поколениями юристов и правовыми школами.

Своей вершины логико-систематизирующая переработка римского права из неупорядоченного скопления казуистических положений в подлинную систему понятий и юридических конструкций достигла в школе пандектистов — и именно в таком виде мы сейчас воспринимаем и римское, и современное право.

Поэтому современное юридическое образование и профессиональное юридическое мышление, безусловно, обязаны античному наследию не только в части римского права, но и в части греческой логики и философии.

-
1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 2. М. : Мысль, 1978. 687 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Аристофан. Комедии. Фрагменты. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 2000. 1033 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Аристотель. Риторика. Поэтика. М. : Лабиринт, 2000. 224 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Maine H. Village-communities in the East and West: six lectures delivered at Oxford, to which are added other lectures, addresses, and essays. New York : Holt, 1876. 413 p. [Вернуться к статье](#)
 5. Вергилий Марон Публий. Буколики. Георгики. Энеида. М. : Художественная литература, 1971. 462 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Цицерон М. Т. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. Пер. М. Л. Гаспаров [и др.] ; М. : Искусство, 1994. 540 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с лат. Ф. А. Петровского [и др.] ; под ред. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. 471 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Schulz Fritz. History of Roman Legal Science. Oxford : Clarendon Press, 1946. 358 p. [Вернуться к статье](#)
 9. Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. 510 с. [Вернуться к статье](#)
 10. Новый Завет. Послание к Колоссянам. Глава 2, стих 8. [Вернуться к статье](#)
 11. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. Избранные сочинения. М. : Издательская группа «Прогресс», 1994. 443 с. [Вернуться к статье](#)

12. Лактанций. Божественные установления. Книги I-VII. Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2007. 512 с. [Вернуться к статье](#)

13. Исидор Севильский. Этимологии, или Начала в XX книгах. Кн. I-III: Семь свободных искусств. Пер. с лат. Л. А. Харитонова. СПб. : Евразия, 2006. 352 с. [Вернуться к статье](#)